

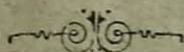
3913 К

7

С 92 м 2340

СНОП.

СБОРНИК
СТИХОВ И РАССКАЗОВ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТРЕТЬЕЙ
ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ.

Ивановская обл. Научн. Бюро.

Отдел Краевой

Ианово-Вознесенское Отделение
Государственного Издательства
1920

Г. КИНЕШМА.
3-я Государственная Типография
Г. С. Н. Х.

№ 3913. К

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллч. пред. выдач

30/xi м 239

14/ii-96-4813

23/ii-96-11

5.11.00 н 165888

6.03.02 - 165888

С Н О П.

Сборник стихов и рассказов.

Ивановская Обл. Научн. Библиот.

Отдел Краевой

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТРЕТЬЕЙ
ГОДОВЩИНЕ ○○○○○○○○○○
ОКТАБРЬСКОЙ ○○○○○○○○
РЕВОЛЮЦИИ. ○○○○○○○○○○

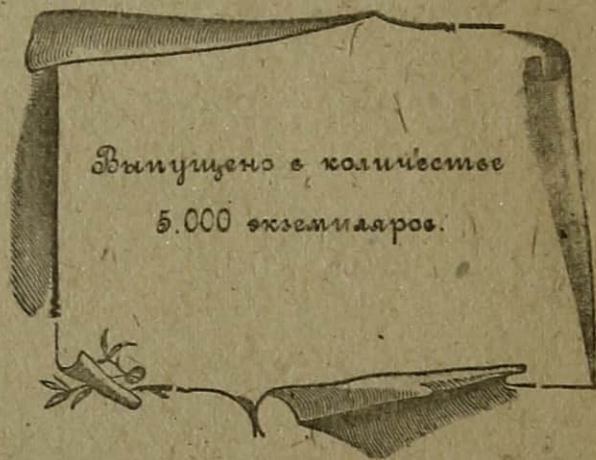
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

1920

94

--2010

№39/3. К

Выпущено в количестве
5.000 экземпляров.

Р. В. Ц. г. Кинешма.

Предисловие.

Невелик наш словесный сноп и не все колосья в нем одинаково зрелы.

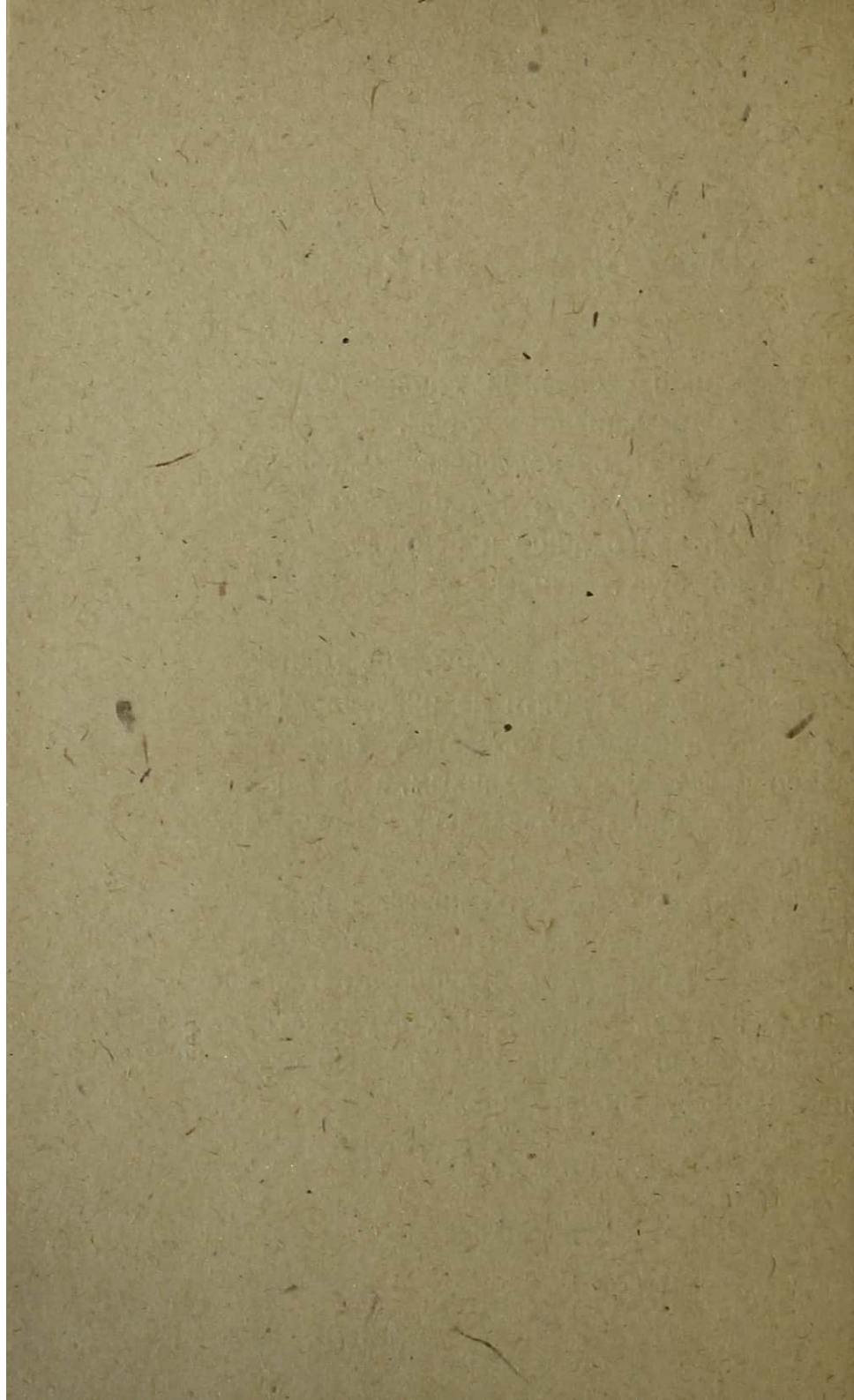
Да и не богат он колосьями напевов о современности: гораздо больше в нем васильковых песен о душе и природе.

Но да не будут к нам черезчур строги наши читатели.

Ведь, мы—неумелые жнецы, ибо многие из нас прежде-чем выйти на ниву слова с серпом поэтического творчества, еще так недавно расстались с реальным, а не аллегорическим серпом земледельца и молотом рабочего.

Приурочивая выход этой книжки к празднованию 3-й годовщине Октябрьской Революции, мы верим, что будущий октябрь принесет нам более зрелую и богатую жатву песен-колосьев, собранных за красной оклицей нашего рабочего края.

А В Т О Р Ы.

За осажденный лагерь.

Что такое Советская власть?

Это лагерь осажденных идей. Бивуак, разбитый над темной пропастью, где в подлой тьме притаились тысячи хитрых безчеловечно жестоких врагов. Над пропастью зажжены сторожевые огни великого будущего. Огни зажжены и зовут к себе...

Из глубины пропасти, погруженной в зловещую тьму, вылетают тысячи ночных бабочек. Оне летят к сторожевым огням, влекомые таинственной силой. Многие из них тут же падают бездыханными; другие опалют свои крылья. Но и с опаленными крыльями, полуживые, оне трепещут и пытаются подняться к божественному огню. А на смену тем, что лежат неподвижными, из тьмы летят другие к свету, к таинственным огням будущего...

...На трибуну французского революционного конвента вели девять очень крутых и неудобных ступеней. Однажды Жансонне, один из революционных деятелей, поднимаясь на трибуну, споткнулся и воскликнул:

— Да это настоящая лестница на эшафот!—

...Для многих из поднимающихся по крутой советской лестнице, она является и будет служить эшафотом. Многие уже отдали свою жизнь и еще больше таких, что отдадут.

И все же они идут и поднимаются на зов сторожевых огней.

Кто они? Герои?

Их много и уже потому, они не герои; их много, поэтому они обыкновенные люди с достоинствами, но и с грузом мертвого прошлого.

Что их заставляет подниматься по крутой лестнице, которая кончается для многих эшафотом, или подобно ночным бабочкам, что заставляет лететь их на зов сторожевых огней?

...Что такое революция?

Буря пронесется над океаном. Она поднимает мириады волн и они несутся в одном могучем порыве, разбивают старые гнилые корабли и топят их в неизведанных пучинах; они срывают все ветхое и снова несутся, разбиваясь и рождаясь в безпредельном океане...

...На берегу стоят люди и с ужасом смотрят на шторм...

Они видели бурю раньше только на полотне и находили картину прекрасной. Теперь, испуганные и злые за свой испуг, они кричат океану:—остановись.

ненужно, это слишком страшно и совсем не похоже на то, чем мы любовались в картинных галереях.—

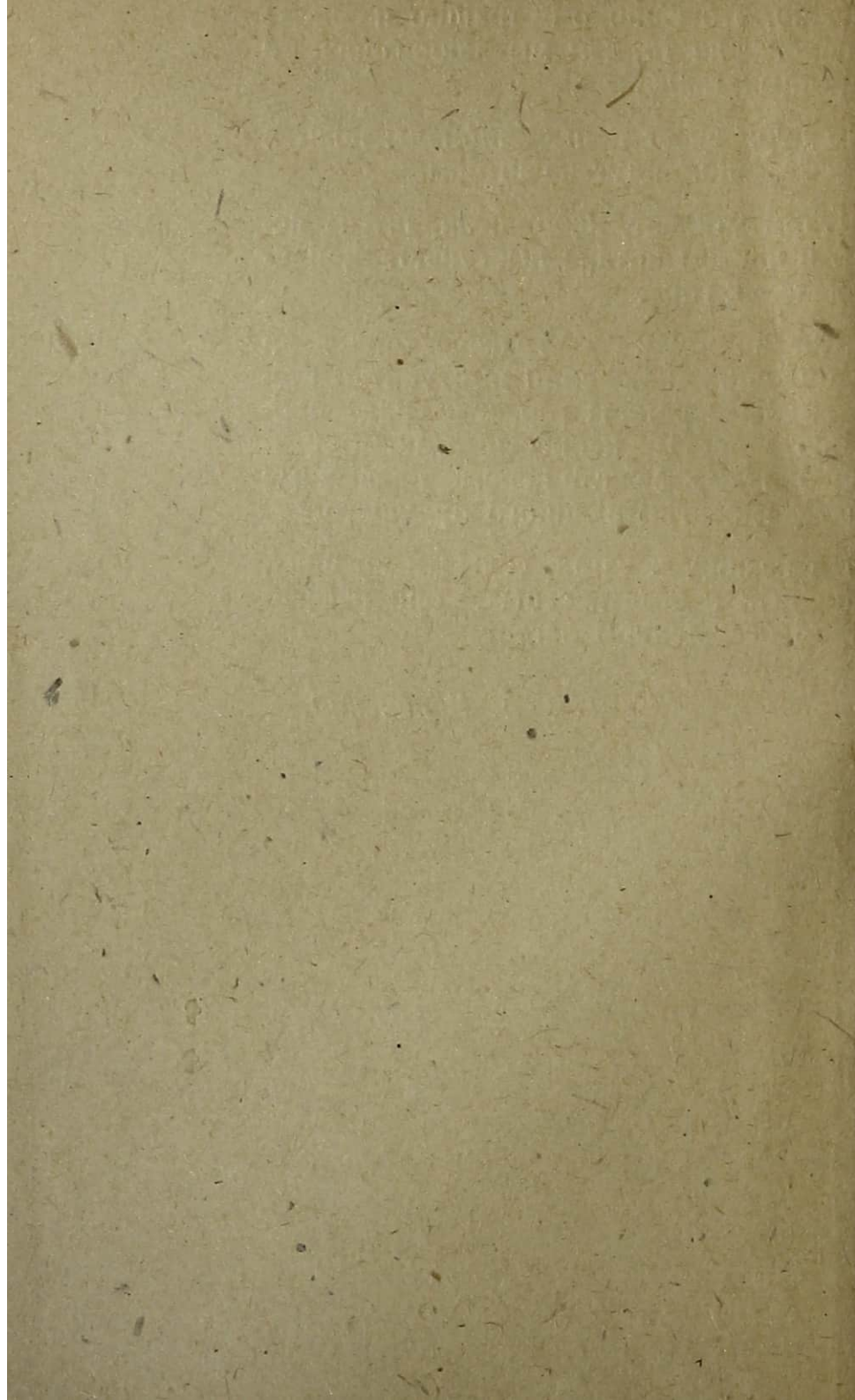
Но буря несет новые мириады воли и они со стоном идут на шторм.

Шторм утихает, небо становится ясным, в чистом янтаре выступают контуры далеких гор...

...Когда-нибудь в трагической дали для будущих поколений выступят и станут видны вершины гор, где над пропастью в первые неизвестные люди разбили бивуак и зажгли первые призывные сторожевые огни великого будущего.

И в песнях, и сагах, седых и древних, спокойных и безстрастных,—они расскажут об осажденном лагере.

А. Воронский.

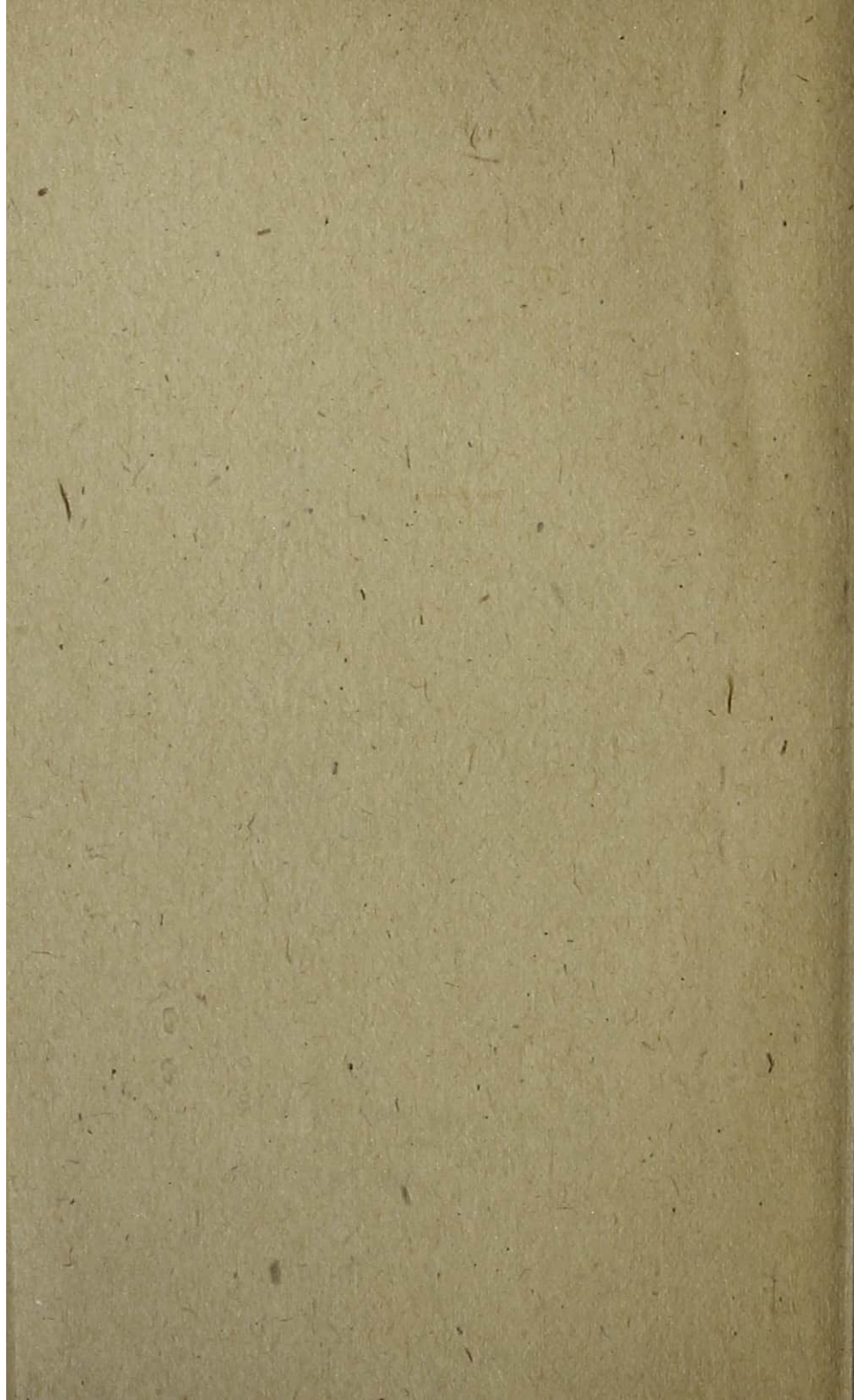
Заревые

КОЛОСЬЯ.

Ивановская обл. науч. библиотека

Отдел Красной

Иван Жижик.

Распахнулись всемирные двери
Ветер алый подул из оконц
Твердо в дело великое веря,
Окна вспыхнули ликами солнц.

Кто-то женственно-светлый и сильный
Прокричал над вселенной: гори!
Вихрь из долов дохнул огнепыльный
И земля занялась от зари.

Владелец и рабы.

(Из Петра Безруча).

Тсс...
Он едет...
Пышность какая!..
В лице надменность.
Как царь на троне.
Гербы.
Карета вся золотая.
А кони!..
Орлы—а не, кони.
От взгляда трепещет поле
Озирает нас
И заводы.
Во дворец свой едет,
Чтоб в холе отобедать
И счесть доходы.

Хван Жижин.

Кха, кха...
Едкая пыль
И копоть.
Истекает отдых.
Скорее
По—собачьи спешите слопать
Свой завтрак несчастный,
Плебен.
Будит Сирена.
К работе!
Живо,
Жалкие пленники гнета!
Стройте
Новый дворец красный
Для владельца
Из слез и пота,

Темно.
Нет солнца.
К покою
В глухие плетемся кварталы.
Голодной
Жалкой толпою,
Кляня слугу капитала.
Эй,
Сторбнись!
Огни экипажа
Блестят на встречу
И... мимо.
Это он
Повез на продажу
Свою совесть чернее дыма.

Жбак Жижик.

Нет!
Довольно!
Счастья и света
За растрату крови и пота!
На воздух
Дворцы
И кареты
Полетят пузырями без счета!

* *
* *

Ночью ненастной на всех перепутьях
Зеленью теплются волчьи зрачки;
Ветры блуждают в иззябнувших прутьях
Сердце полно' безответной тоски.

Рдяная птица над миром маячит
Зовно незримые крылья звучат.
Люди, как тени проходят и плачут.
Спросишь: „о чем Вы?“ Упорно молчат.

Что-то недоброе в душах таится
В мраке холодном у робких теней
— Ветер, о, ветер, с тобою бы слиться,
Звоном наполнить бы сумрак их дней.

Вспыхнет ли стая зловещая галок,
Свистнет ли гадко в трясине змея, —
Каждый вдруг сир и беспомощно-жалок
Стонет на бурных волнах бытия.

Иван Жижин.

Нет! Не к лицу созидательно стофы,—
Брату—вождю всех народов и стран.
Ржавые цепи, насилие и троны
Начисто в мире сметет ураган.

Всё что на шатких держалось основах
В прах обратится, травой зарастет.
Русь на костре испытаний суровых
Волю и счастье несчастным скует.

Строитель.

Посв. А. В.

Не тот герой, в ком пыл как лунный рог,
Слизнули дни тупые безвозвратно,
И вождь не тот, что повернул обратно,
Напуганный безкрайностью дорог.

Увенчан будет славой пятикратно—
Кто в пытках неудач не изнемог,
В дерзаньях постоянно мудр и строг
И знает, что и солнце терпит пятна.

От сох, станков, копей, каменоломен,
Где жизнь была—страдание и стон
Принес он на скрижалях свой закон,
Который силой замысла огромен.

Пусть души слабых обуяли жуть и страх
Но утвердит закон свой водчий дней

в веках

Иван Жижин.

К зорям, к плугам, к горнам.

*(В дни реакционного переворота
в Германии.)*

Окутался Берлин туманом черным.
Слизнула сырость с флагов алый пламень
— Протянем руки к зорям, к плугам, к горнам
И раздробим скорей молчанья камень!
Омрем с душ усталости проказу
И распахнув одежд душевных полы,
Напхоним круче солнечную вазу
И золотой огонь прольем на доли.
Бег дней восторгом творчества чудесен,—
Созвучьем дел и слов звеняще- жгучих.
Певцы, ударьте в струны, дайте песен
Безмерно бодрых, вымыслом мугучих!
Смыкайте руки, пахарь и рабочий
И славьте души солнечной любовью!
Не то на Русь из смрадных узорочий
Назынет мрак со стопами и корвью
Спасенье наше в творческой работе,
В труде, в железной стойкости пред горном.
Под небом Маркса, Бебеля и Гете
Не суждено погибнуть алым зернам.
Не примет жизнь болот прогнивших штиля
И мгла родит огонь и гром и бури.
Из груди бард—собрать Руже де Лелля
Жар-Птицей песню выбросит к лазури.

Жалика Пережежая.

Деревенская Коммунистка.

Меня, девушку, грызут милые сродники
— Ты беспутная. С нас голову сняла,
Замутили тебя сельские негодники,
В большевицкие запутали дела.
Все ораторшей, как порыв, выступаешь ты,
Видно, нет в тебе уж девичья стыда.
По собраниям ночи темны коротаешь ты,
В Божью церковь не заглянешь никогда.
Насупротив Божьей Матери Казанской
Ты повесила антихристов патрет,
Скоро жить ты будешь вовсе по цыгански.
Нажитого и святого у них нет.
Приезжали из Пестрихина намедни
За богатого посватать жениха,
Да наслушались рассказней соседних
И убрались потихоньку до греха.
Говорят, что ты смахнула с Игнаткой.
Он тебя и в коммунистки то сманил,
Ну и примешь себе муж без рубашки,
Разговорами он, чай, тебя прельстил.
Вы венчаться в храм Господень не пойдете,
Ты ведь стала и бестыжа и смела,
Вы заместо аналая обойдете
Вкруг Советского зеленого стола
— Не поймать меня вам, девку, вольну
цтычку
Не боюсь укоряющих речей!
Знайте, буду я, девченка, большевичкой
С каждым часом, с каждым днем все
горячей.

Дмитрий Костромской.

О к т я б р ь.

Он пришел. позвал лучистыми главами,
И с тех пор я красной вьюгой закружен...
И с тех пор, как в сказке—явь смешалась
с нами...
И с тех пор я в зори Октября влюблен.

* * *

И с тех пор иду за ним я неотступно
Солнечной дорогой подвигов и грез...
И с тех пор девиз мой—счастье всем дос-
тупно:
Радость не проходит в мир без жертв и
слез!"

— 00 —

Ивановская Обл. Научн. Бюро. 17

Отдел Краевой

Под шум машин.

Я люблю мои машины,
Как весеннюю грозу;
Как родимые равнины—
Неба первую слезу!
Счастью вновь душа открыта,
Разцветая сил полна,
С каждым кругом кривошипа,
С каждым взмахом шатуна,
Неприклонны мои взоры
И крепка моя рука.
Если искрит треск мотора
Ровный шум маховика!
Жаром пышет пламя горна,
Будто сказочный дракон,
И снуют ремни проворно
От валов и шестерен.
Шум машин. Мерцанье стали,
Хаос, пламя и гроза...
А в окне смеются дали,
Как любимые глаза!
Здесь цветут железной воли
Огнеликие цветы;
И заря свободной доли—
Здесь не "я", а "мы" и "ты"
Эй, товарищ. Тяжкий молот
Подними и отпусти;
Разом должен быть расколот
Лед великого пути!
Под напев машин железный,
Под могучий гуд стальной,

Мы идем, скользя над бездной,
И пойдем в последний бой.
Мощь машин железной кровью
В наши мышцы мы вольем,
И над вспаханною новью
Победим или умрем!

—□□—
Из старых песен борьбы.

Отцы и дети.

Они пришли с горячих баррикад,
Они вкусили пушечной картечи;
Кричит их смелый и задорный взгляд:—
Мы—только боя новаго предтечи!..
И говорят они:—Мы новаго ждем клича
Померяться еще раз силой боевой!..
Пусть для врага мы—легкая добыча,
Но жребий наш—наш новый смертный бой!
Мы отдалися смелому решению,
Пусть будет так, что молодость дерзка,
Что мы мишень и будем мы мишенью.
Но ведь и бить умеем мы наверняка!..
—Горячие, зарвавшиеся люди!..
Кричит отец.—Слепой, шальной народ!..
А даль грохочет вновь. На грозный гул
орудий
Бегут, кричат:—Товарищи, вперед!..
Мать плачет горькими отчаянья слезами,
Не оторвешь ее от кротости лампад,
Но кроткими, лампадными огнями
Не разогнать ей бойни баррикад!..

Красноармейцу.

Вчерашний пахарь незаметный,
Взрывавший борозды полей,—
Сегодня ты боец всесветный,
Взрываешь царства королей.
И ты—кузнец, вчера подковы
Ковавший мирно у пруда—
Сегодня мир хуешь ты новый
В великой Кузнице Труда
Красноармеец! Ты свободу
Несешь на острие штыка,
И кажет светлый путь народу
Твоя бесстрашная рука,
Мы все с тобой в борьбе кровавой
За мир всемирного труда,
И пусть над всей землей со славой
Сияет Красная Звезда!
Живым—победа над царями,
И слева тем, кто в битве пал...
Да здравствует победы знамя—
Наш Красный Интернационал!

Василий Смирнов.

Красный марш.

От станков, от гори, от пашен
Под знамена бури нас
Гневом буйных молний страшен
Здесь собрал великий час
Великий час борьбы кровавой
За коммунизм...

За строем строй.

Без страха в бой.

Чтоб победить, иль пасть со славой,

Идет

Трудящийся народ.

Мы у гори закальных взяли
Жгучий пыл мятежных дум;
Там—у их огня ковали
Под кипучий красный шум
Мы сталь для дней борьбы кровавой
За коммунизм...

За строем строй

Без страха в бой,

Чтоб победить, иль пасть со славой,

Идет

Трудящийся народ.

Нам станки о рабстве пели.
Гул заботной суеты
Нас душил. Тем ярче рдели
Наши страстные мечты,
Мечты о днях борьбы кровавой
За коммунизм...

Василий Смирков.

За строем строй
Без страха в бой,
Чтоб победить, иль пасть со славой,
Идет
трудящийся народ.

В дымных избах темная алая
Нас слепила день и ночь.
Пашня тощая, больная
Не могла нужде помочь.
Где-ж выход нам? В борьбе кровавой
За коммунизм...

За строем строй
Без страха в бой,
Чтоб победить, иль пасть со славой,
Идет
трудящийся народ.

От станков, от гори, от пашен
Под знамена бури нас
Гневом буйных молний страшен
Здесь собрал великий час,
Великий час борьбы кровавой
За коммунизм...

За строем строй
Без страха в бой,
Чтоб победить, иль пасть со славой,
Идет
Трудящийся народ.

Красная Русь.

Она же та, что в тихой скорби,
Под колокольный грустный звон
Брела полями, илечи сгорбя,
На исцеляющий вѣон.
Ей, чужд старинный храм—могила,
Где васильковоглазый спас
Устало смотрит, как кадила
Прозрачно вяжут дымный чад.
Не о грошах ее молитвы,
Развеял плесень, жуть и гниль,
Она в дыму великой битвы
Творит восторженную быль,
Преобразившись на Оаоре,
В золотопламенном огне,
Она нашла в глухом просторе
Пути к прекрасной стороне.
Забиты смарадные темницы,
До тла бывшее сожжено.
И светлой нищенке, как птице,
Поднятся к солнцу суждено.

ПАХАРЬ.

Веснянка мудро, знахарь,
Цветами чертит вокруг дорог.
В сырой низине бродит пахарь;
Над ним—лазоревый чертог
В труде он силен и упорен.
Соха за вспененным конем

Под близкий дождь лиловых зерен
Взрывает сдобный чернозем
Весенний воздух—чаша меда,
А солнце сладко теплит взор,
И драгоценны капли пота,
Как звонкий бисерный узор.
Ядреный дух рубахи сальной,
Могутно руки, грудь крепка.
— Любуйтесь мощно изначальной—
Великий силой мужика.

Русь.

I.

Солнце в заревые двери
В голубой выходит шлях.
—Русь голодная, я верю
Ты рассеешь смертный страх!
Знаю я: иной и мудрый
Вышлет день тебе зарю
И я строк русокудрый
Радостно возговорю.
Новое, второе солнце
Вспыхнет в далях заревых.
Расцветет в твоём оконце
Звонкий и веселый стих.
Радостью задышут песни
Озренных счастьем дней.
—Русь, которая воскреснет
Будет мне еще милей!

Александр Соснебский.

II.

Иду парчевыми полями,
Звеню еловым посошком,
А там—над тихими лугами
Туман ложится полотном.

Заря—румяная девченка
Знамена шьет из кумача.
Моя холщевая котомка
Звенит на радостных плечах.

И песней полевые птицы
С моих очей сведают грусть.
—И хочется тебе молиться
От сна воскреснувшая Русь!

В весенне-голубое утро
Мне как-то радостно, легко:
Свободы ласковой и мудрой
Я пью парное молоко.

III.

Опять война нам петлю кинула на шею
И рдяным вспыхивают тусклые штыки,
Загар солдатских, серых, жестких лиц
белеет
Под взглядами смертельной, тягостной
тоски.

Сердце овеял страшный и холодный
ужас
Который сеет смерть костлявою рукой
И тело падающих сковывает стужа
Невидимой, неразбиваемой броней,

Александр Соснебский.

Взрыхляют плуги ядер дола и кургана,
Звенит встревоженно певучая шрапнель
И дыма синего плоучие туманы
Скрывают яркой стали звонкую капель.

Напал на нас враг обезумевший, кровавый
За то, что мы в веках рассеяли туман
И оросил равнины наши кровью алой
И хочет полонить рабочих и крестьян.

— Но вызволим борьбой, товарищи,
деревни.

И опаленные страданьем города
И снова братьев наших с радостной
царевной

Мы обвенчаем красным знаменем труда!

VI.

Еще среди полей просторных,
Где вместо меда веет яд,
Горячие, как пламя горна,
Дни острой злобою кипят.

Но верю я: в народ усталый
Мир принесет цветы любви
И с радостью безбрежно—алой
Овеет Русь поля твои!

Александр Сумароков.

П а х а р ь.

С моим конем, соратником и другом,
На сотни верст, вот тут, вблизи вдали,
Я тяжко режу новь звенящим плугом
И ржавой бронзой рдеет грудь земли.

За мной—поля, леса, селенья, доли,
В пустынном сне сомлевший небосвод,
А на меня, как дым кадилльный, смолы
Курятся в свой предутренний исход.

Я здесь один, в плену земли и неба,
И воля мне предвечная дана—
Да соберу сурьвой коркой хлеба
Моих трудов святые семена.

Железные цветы.

Удар поет над наковальной
И брызжет искрами огня.
Так новый мир к свободе дальней
Кует всемирного меня.

И я в мечте моей упорной
Меня терзающий не раз,
Вновь претворяю уголь черный.
В огнями дышащий алмаз.

И сбросив горные вершины
И прежней яви смутный сон,
В грозящем грохоте машины
Ищу властительный закон.

И вам, воспрянувшим из мрака
По грозно вставшим городам,
Я из свистящих всхлищов плака
Цветы железные создам.

Михаил Артамонов.

* * *

Вы развейтесь, снега белы,
Засветись пригорный день.
По полям осиротелым
Цветовой перряд одень.
Выглян полдень ало-талый,
Полдень вешний ало-синь,
На проталины прогалы
Цветовой ковер накинь.
То-ли дело звон весенний,
То ли дело сердца звон,
Колокольный гул растений,
Широта родных сторон.
Вы развейтесь, снега талы,
Вешнезвонный гул приди
И ковром зеленым, алым
Грудь земную обряди...

Песенка.

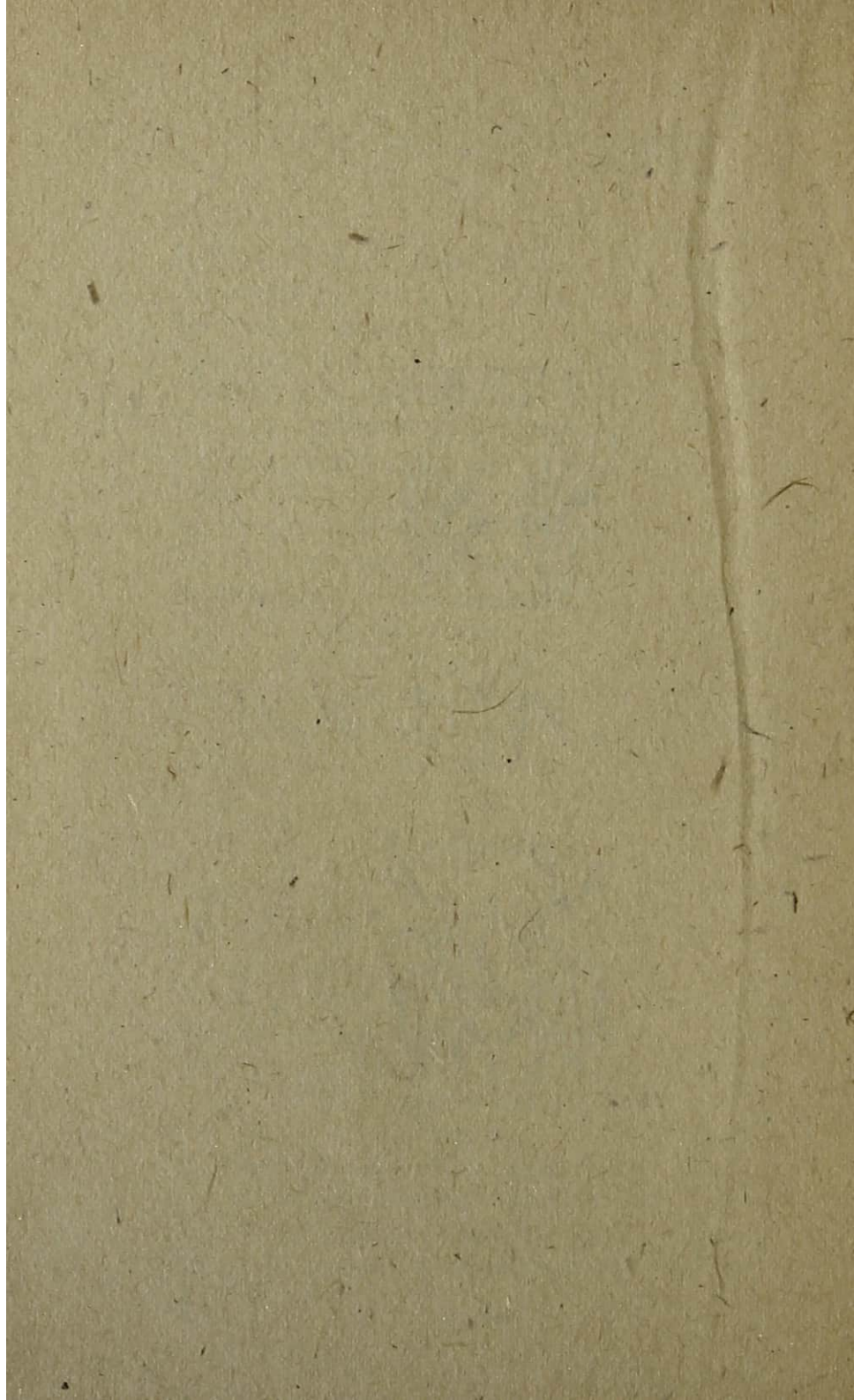
Голубые тихонькие цветики
Луг усыпали палую между.
Я нарву душистые букетики,
Лентой синей их перевяжу.
Завтра милый едет на позицию.
Брошу я цветы ему в вагон.
Ах, я рвется сердце мое птицею,
Оттого, что уезжает он.
Голубые венчики стеклянные
Вы цветочки павилика-повитель,
На душе печаль непрестанная.
Много горьких потечет недель...

ВАСИЛЬКИ.

Хван Жижик.

В е н о к.

I.

Мих. Артаменов.

Немудрой, но ядреной яви душу,
Всю жизнь живую темных деревень.
Хотел бы в расписную боковушу,
Собрать поэт и бросить в новый день.
Никто, никто про радости и горе,
Нам не расскажет лучше чем гармонь.
Мужичья удаля широка, как море,
Коль тлеет под рубахою огонь.

II.

А. Воронский.

Высокий лоб и взгляд такой холодный,
Но кровью звездной сердце влито в мозг.
В душе — вся скорбь и горький плач народный
Любовью солнечной расплавлены, как воск
Политик и поэт, строитель и философ
Он вечно замкнут, волей тверд и смел
И кажется, что нет таких утесов
Где б он о судьбах Руси не скорбел.

III.

Ав. Ноздрин.

У камелька под вечер, сидя в кресле,
Перелистать душистый томик Фета,
Остановить часы, сказав: — „А если
Вернуть весну и солнечное лето?“
Ах, дедушка, когда мечты так сладки,
Слова и взгляды кажутся душевней,
И право, не на крыльях а в крылатке
Легко умчаться в даль из кельи древней.

Иван Жижик.

IV.

Дм. Семеновский.

Иконный венчик, звон, псалмы, каноны
И все, что есть нетленного во храме
Ты впледел в свои немеркнущие звоны
Живыми не вечерними огнями.
Дыханье ржей, а не гроза и буря
Стремит твой челн, взрезая вод стеклярус,
И даже русые ресницы жмура
С круч загляделось солнышко на парус.

V.

Сер. Семин

Прорывают струи знойной дрожи
Перелесков кружевные шлюзы.
В день погожий пастушек Сережа
Полевых цветов нарвал для Музы.
В уголок свой светленький и тесный
Васильки принес и медуницы,
Сплел веночек, да такой чудесный
Для своей красавной голубицы.

VI.

Ник. Смирнов.

Эскиз набросан нежной акварелью:
Лазурь, родник, березки белый стан,
Кругом цветы, червонный мох под елью,
И мниться, что грустил тут Левитан.
Ночь. Стонет выпль. И бор седым олунен.
С васильками тянет с полосы,
И янтарных кельях осени здесь Бунин
Вчитал печальной юности часы.

Иван Жижин.

VI.

А. Сумароков.

Средь фолиантов толстых, хмур и строг,
С глубокими морщинами на лбу,
Сидит он и червонный бисер строк
Упорно нижет на свою судьбу.
Искатель вечного в хаосе книг,
Он никогда судьбе не скажет „пусть!“
В граненый стих и в каждый мысли миг
Внося философическую грусть.

VIII.

Ал. Тимонин.

Прояснив частоколы труб на грани,
Заря лицо в лазури окунула.
От города бредет в седом тумане
В поля по-за-околице Микула.
Железной поступи вбивает звоны
В родную землю. Думы его древни
Но знает вызволят ржаные склоны
Застигнутые лихами деревни.

IX.

Канувшие в лету псевдонародники.

У твоей ли музы на квартире
Неприветлив, холоден уют
И тебе на ржавострунной лире
Не распеть тоску тупых минут,
И у леты не отбить вабанка —
Все умчит летейская река.
Не гармонь без клапанов „тальянка“
Для свободных песен мужика.

Хван Жижин.

Х.

Н. Н.

Припал к ключу и долго жадно пил,
Умылся сам и выкупал собаку,
Лег на траву, зевнул и закирил
И погрузился в сон, как после маку.

Спал, как святой. Грознее черных туч
Проснулся от мучительной икоты.
Пнул пса ногой, с досадой плюнул в ключ
И выругался горько: идиоты!

ХІ.

Я.

Себе оценку выдумал я проще:
Умру й пусть через полсотни лет
Канонизируют целительные мощи—
Угодником обявится поэт.

И право, ничего не надо боле.
Но, получив такую благодать,
Я буду от любой тоски и доли
И в розницу и оптом исцелять.

Текст эпитафии на гробе будет выжжен
Рукой моих почтеннейших коллег:
„В сей раке скрыт святой товарищ Жижин
Ужасно никудышной человек“

Весной в окно вечернее.

Суровых дней кандаальный пленник,
Гляжу в окно не нагляжусь,
Как невидимки звонкий веник
Сметает с небосклона грусть.

Младенец вечер очарован
Земным, и ластится к весне,
И стан березки намалеван
На небе, как на полотне;

И за мазком мазок мудреный
Кладет на кудри лип теплынь;
И сизой мутью запыленный,
Смыкает вечер взгляда синь;

И красит тротуаром губы
Небрежно солнечная кисть
И тумбочки торчат, как зубы,
Чтоб мостовых тоску разгрызть

Жрец—солнце белый угол дома
Из-за аллеи отсекло.

И ждет душа огня и грома,
И бьется бабочкой в стекло.

Сквозь солнце дождь вечерний.

Радуга—венец-плат на невесте.
Даль—отца насушенные брови.
Молнии—глаза из белой жести
У лихой неласковой свекрови.

Хван Жижин.

То бледнее плат, то ярче рдеет,
А назад оглянешься на солнце—
Свечками лисьяный храм светлеет,
Пар брядет на кровлях волоконце,

Ждешь развизки в таинстве природы,
Невидимый ищешь лик невесты.
— Где ты, где в хоробах небосвода,
Юный Лель — жених вседенской Весты.

Из далекой сказки детства сила
Льется в грудь, как яр—хмель в боковушу.
Как во сне, явь крепко пригвоздила
К травам—ноги, к тайне мира душу.

Лесные пожары.

На хрустких пашнях чахнет яровица
Нагрела до—желта засуха высоту.
В чащебах бешеная рыщет кобылица,
Крутя седою гривой на лету.

Как апокалипсиса зверь крылатый
Грызет с стихийной силой удила...
— Не дьявол ли народных бед Оратай
Врастить задумал в мире севы зла?

Схож бег жоня со смутным гудом шторма.
Дыханье в ночь—из ярких вспышек плющ.
Чем больше жрет, тем больше алчет корма,
И пламень глаз его безмерно злом.

Николай Колоколов.

Несыто жрет и пожирает травы,
Под корень гложет сосны, мчит по пням,
Врывается в дремучие дубравы
И брызжет желтой пеной по ветвям.

Лесных полян изглоданные груди
Сочатся черной кровью и дымят,
И что то жуткое метещится им в гуде,
И пахарь смертным ужасом об'ят.

* * *

Колоколов.

Зимний день жемчужно—сед,
Заткан инеем звенящим.
Бродят шорохи по чащам,
Где запутан лисий след.

Подступил к опушке наст.
Весела моя прогулка!
Сердца стук могуч и част.
Кровь течет певуче-гулко.

Брат любимый—каждый куст.
Улыбаюсь елям цепким.
Погружусь в морозный хруст
И, как холод, стану крепким

Хорошо бы зверем быть!
Зверем радостным и смелым,
Закрутиться, заскользит
По путям оледенелым!

Из Рихарда Демеля.

Серенький герой.

Я—пожарный, с поста жду тревоги
И, как раз, нас зовут, нам звонят...
Мы готовы, наш поезд в дороге,
Наши кони, как птицы, летят.
Мы—внимание, порыв напряженье,
Наши факелы молний ярчей
И сулят они людям спасенье,
Ободряют безвольных людей.
Я свищу:—„Прочь с дороги!“ Как знамя
Держим флаг мы; он ярок, велик.
И я вижу: из окон бьет пламя,
О спасении слышится крик.
Прочно, крепко я шлемом окован.
Я в огне, я красавицу спас;
Красотой я ее очарован
И не сводит с меня она глаз.
И быть может, спасенная мною,
Как и я, жаждет подвигом жить,
И я рад, что и ей, как герою,
Дам возможность его совершить..

Сергей Селякин.

* * *

Хотел-бы встать у придорожной елки,
Покрытой синим инеем, в сугроб,
Смотреть, как белолунной ночью волки
Бегут туда, где слышен конский топ.

И в яркой злобе ряд зубов оскала,
Луча в зрячках налившихся кровью,
Смакуют жертв. Но встретив лязги стали
С протяжным воем отбегают вновь.

И долго воют белой-белой ночью
И вой плывет и тает на ветру...
А там, у елки придорожной,—клочья
И алый снег с следами поутру.

—

Старик.

Весной повеяло... Растаяла дорога,
Чернеет снег, прильнув к земле пластом.
В шубенке рваной, в шапке у порога
Сидит старик, мечтая о былом.

Согнули годы старческую спину,
А в волоса вращили седину.
О, кто-б узнал в нем прежнюю детину,
Каким он был в двадцатую весну?

Пришлось взрастить не мало детей,
Да все убиты в прошлую войну.
Жива лиш доч да с нею малолетов,
А муж скончался в Австрии в плену.

Дмитрий Семеновский.

И вот один—жена давно в могиле—
Сидит и смотрит тусклым взором в даль...
Вон тот овин... За ним хлеба родились.
—Эх сыновей да силы прошлой жаль!..

Когда сына последнего забрали
Всплакнул старик, не стало силы вдруг,
Когда-же весть: убиты и пропали
Пришла,—соха не слушалася, рук.

Не запахать теперь как прежде нивы.
Савраску свел по снегу на базар.
Не слышать жаворонья трели—переливы
И не вдыхать полей весенний пар.

Дрежат от старости и горя руки, плечи,
Глаза слабеют, ноги не стоят...
—Пора в могилу знать... уж больше делать неча.
Его уста беззвучно говорят.

Встает кряхтит, и кашляет, и гнется,
Идет в избенку тихо на покой,
И взяв кота насильно улыбнется,
Погладив шерсть холодною рукой.

Р У К И.

О, милые страдальческие руки,
Весь день вам нет покоя ни на час.
За черный труд без отдыха, за муки
Я мысленно благословляю вас!

Дмитрий Семеновский.

Срывать—бы вам фиалки в теплых росах,
Свивать—бы вам венки из васильков.
Свивать—бы вам со струн сереброголосых
Бесплатный звон воздушной мотыльков.

Вы—два цветка. Вы—крылья райской
Сирин.

Но смят цветок. Надломлено крыло.
Ваш каждый перст исколат, исковырян,
Вас резало, вас знобило и жгло.

О, бедные ладони страстотерпца!
Настанет миг,—погаснет жар в крови
И вас навек соединят у сердца,
Не знавшего ни счастья, ни любви.

Нет! Будет миг,—привыкшие к работе,
Вы буйственно перевернете мир,
Вы звездный клир на землю низведете
И станет жизнь—благословенный пир.

На том пиру украсятся венками
Угрюмые заботливые лбы
И мирно вы сдружитесь с васильками,
О, дочери работы и борьбы!

К сугробу крепкому прилеплен
Березник бледно—восковой
И благодарственно затеплен
Пред лучезарной синевой.

Дмитрий Семеновский.

Окапанный капельным воском.
Ноздрист, но сух подсвечник—наст.
На тыканый в сугробе жестком,
Березник искривлен и част.

Бреду навстречу шири вольной,
Легко распутицей дыша,
И, как березник многоствольный,
Тихонько теплится душа.

Древо дней уронило покров.
Стынет солнце. Зима—у порога.
Чутко слушает топот подков
Передрогшая за—ночь дорога.

Ветер гладит иссохшей рукой
Синий лепол сгоревшей осины.
Над рябой бесприветной рекой
Ивы горбят озябшие спины.

Грустно сердцу в осенней тиши
Знать, в дыханьи предзимней печали
И с лазурного древа души
Листья радости немо опаи.

Здравствуй, отческий кров
С негой родного гнезда!
В кружеве черных дерев
Бабочкой вьется звезда.

Дымчатой кошкой сугроб
Ластится молча к ногам.
В петлях запутанных троп
Сумерки липнут к снегам.

Сергей Семин.

Мир вам, звезда, тишина
И серебристая гладь!
У голубого окна
Ивою клонится мать.

В невозмутимый покой
Падют вздохи коров.
Здравствуй, простор снеговой,
Здравствуй, отеческий кров!

Грусть и радость.

И жизни сердца грусть и радость вместе,
Два цветка различно хороши.
Отдаюсь я грусти, как невесте,
Радости, как матери души,
И когда судьба меня бичует
И когда лишений боль остра,
Неизменно боль души врачует
Радость-мать и грусть ее сестра.
Два цветка различные сплелись.
Чтоб в душе, не стареясь, цвести.
В вечной грусти, сердце, веселись.
В бесконечной радости грусти!

Александр Соснебский.

* *
* *

Тоска узорной паутины
Сплетают тягостную жуть,
Серебряный язык лучины
Неможет синий мрак слизнуть.

К стеклу окна лицом незрячим
Припала сумрачная мгла
И воем буревым и плачем
Взрывает злобно тишь села.

Рассвирепелый ветер в дверцы
Рукой упрямою стучит.
У пряжи молодое сердце
От дум скопившихся болит.

И руки вьют из мочки серой
Шуршащую тоскливо нить
Веретено в руке умелой
Крутится и звенит, звенит.

И цыкольник угрюмо кажет
Концы пузатых веретен.
Котонок златоглазый тоже
Тоской вечерней удивлен.

— О, если бы с души сгорбленной
Сорвать тоски тяжелый гнет!
И тихо пряжа утомленным
Печальным голосом поет:

— Ты коса ли моя косынька
Ты коса ли моя русая!
Я тобою красовалася,
Перед всеми похвалялася!

Александр Соснебский.

Тебя, косу, расплести хотят
И покрыть бабьим повойником.
Красота ты моя девичья,
Разлучить с тобой на век хотят.
Моя волюшка минуется,
Никогда и не воротится,
Ты, родимая моя матушка,
Не давай им косу русую
Не давай им красоту мою
И привольную жизнь девичью!
Ты прижми меня ко груди своей
Раскажи как жить во чужих людях,
У чужого отца с матерью,
У чужого роду-племени.
Ведь чужие-то отец и мать
Без вины будут журить, бранить,
• Без мороза сердце вызнобят,
Без беды глаза повыколют!
Ноет сердце мое бедное.
Я пойду ли во зеленый сад:
Уж не блекнет ли цветочек мой
И не вянет ли веночек мой.
Упади-тко ты дорогой веночек
У отца родного милого
У моей родимой матушки
Во зеленом саду под яблонью.

У пряжи голос грустный, тихий—
Печали дым не свеял он,
А за окном тоскливо, лихо
Кипящий страшной злобы злов.

Александр Соснебский.

В трубе, как волк, упрямо воеет
Многоголосый, страшный шум.
У пряхи сердце молодое
Болит от невеселых дум.

Звенят тоскливо веретена
Скрипит часов печальный бой,
К лежанке серенький котенок
Вечерней прикреплен тоской.

* * *

А поезд злобного змеей
Ныряет в синие туманы
И скрежетом и воем пьяным
Волнует воздух голубой.

Как маятник, качаюсь я
В скрипучем, старческом вагоне
И думаю: кто перегонит
Конь ветра поезда-ль змея?

Туда, где зарева горят
Кидаю вдумчивые взоры
И вижу, как пила забора
Распиливает алый сад.

И в даль несется мимо нас
Гул городов, речные всплески,
Звон сел, гремит на перекрестках,
Холодный блеск озерных глаз,

Александр Сумароков.

Полей парчевых тишина
Шум леса, молоко тумана
—И разноцветной панорамой
Родная нальется земля!

А дети мачехи—трубы
Кругом поблескивают искры.
—О, поезд, как я рад, что взбыстрил
Ты ход медлительной судьбы!

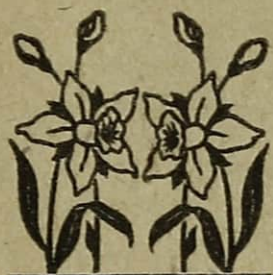

Иду чапыжником седым
В тревожных шорохах и мраках.
Роса, сквозь синий лунный дым,
Стеклом блесит на буераках.

Ночного хищника подет
Порой означен хрусткой веткой.
По горным омутам болот
Шуршит, дрожит осинник редкий.

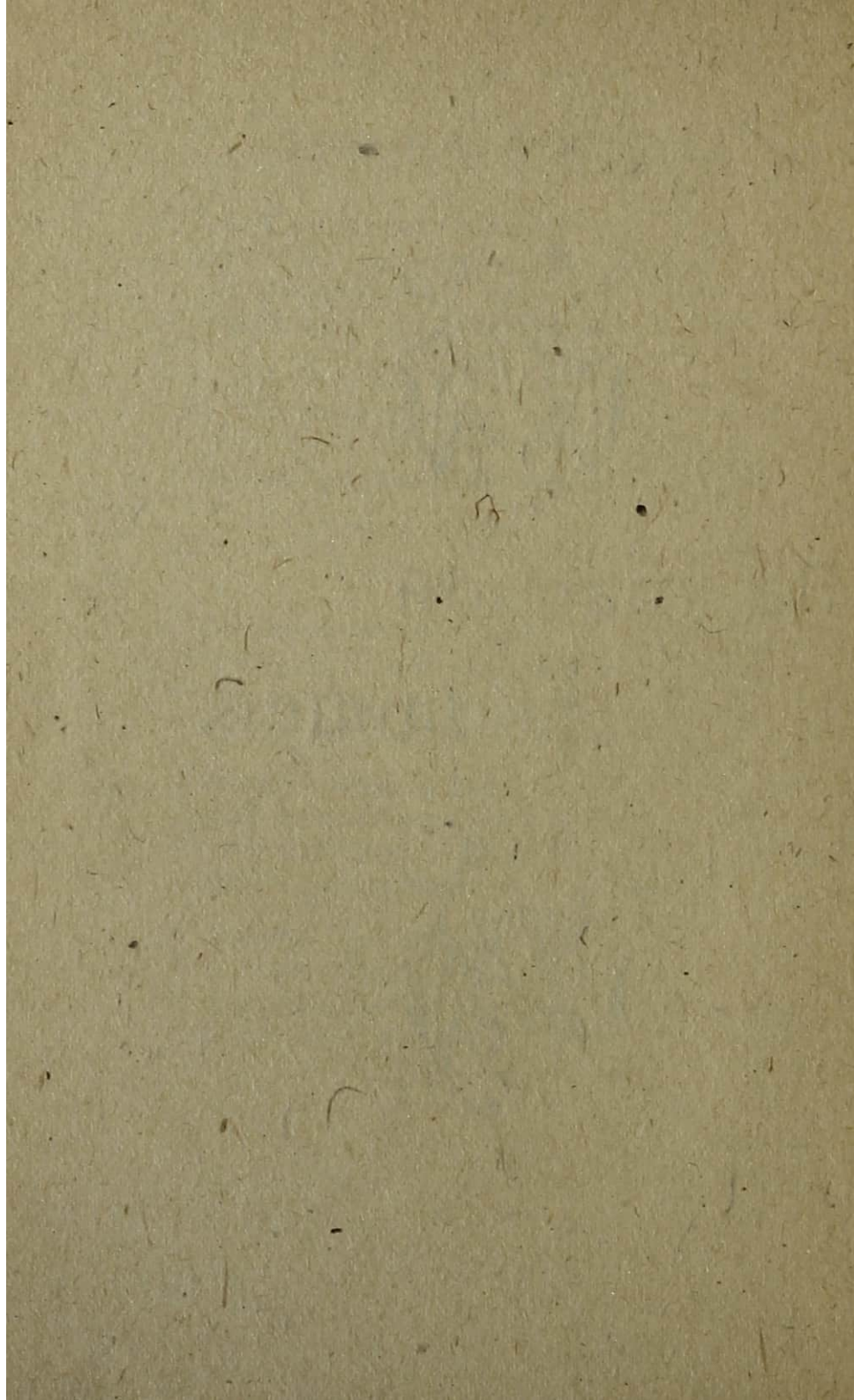
А дальше бор, густой глухой,
В кольцо смыкает, как могила,
И воеет свежестью сухой
Его растительная сила.

За красной
околицей.

П О В Е С Н Е.

I.

За полем тянулся перелесок, за перелеском снова поле длинное, дымчатое, в голубые дни — голубое, в синие — синее, с побурелым жнивьем, и еще дальше стояло Спас-Заборье.

Уж начало смеркаться, льдом подернуло колени проселочные, когда Яков умылся, надел пиджак новый и вышел на дорогу к Спас-Заборью.

За околицей тянулся бучками народ в заутрени. Еще не совсем стемнело: белую церковь видно было за лесом, по другую сторону Волги мельницы помещичьи, барку-досчаных, что стояла на отмели, до села, где зажигались первые пасхальные огни.

Третий год служит Яков на заводе и третий раз ходит в заутрени в Спас-Заборье. Три года небольшой промежуток, а поди ты, укрепился, сжился, и не тянет, как раньше, бродить не путем — не дорогой.

II.

По замерзшей дороге застучал сзади Якова тарантас. Он свернул в сторону и, потряхивая фуражкой, сказал.

— Здравствуйте, Петр Самсоныч!

— Здравствуй, — здравствуй, — донесся из прыгавшего тарантаса голос заводчика. С ним вместе сидели хозяева и дочь Оля.

Завод Самсоныча небольшой. Сам он вышел из мужиков и теперь он по обличью на мужика схож, да только живет он в каменном доме и денег—не счесть сколько.

Надвигалась ночь темная с изморозью. Подходит Яков к церкви, полным полно за оградой, на паперти сошелся приход—старые и молодые,—мужики в новых, покрытых вази-нентом шубах, девушки повязанные цветными полшалками, парни в теплых пиджаках и куртках, и носились грачи над куполами и оградой, а на голом березняке, как корзины, висели их гнезда.

И опять встретил Яков Олю. И опять, потряхивая головой снял фуражку.

— Здравствуйте... с наступающим вас.

Зарделась, молча поклоном ответила.

Давно приглянулась Якову хозяйка Оля. Давно.

III.

Встрепенулся Яков. Хорувь несли вокруг церкви, священник три зажженные свечи держал. Выше головы, направо и налево носил их над грудью:

— Христос воскрес!

И гудела серая паневая толпа густречная.

— Воистину...

И опять Яков разыскал Олю в толпе, подошел.

— Христос вос... Чай поцелуемся.

— Воистину, — чуть прошептала она, ресницы опустила длинные, черные. Яков поцеловал ее губы и не три раза, больше.

Пасху справляли каждый по своему. У хозяйна были свои гости — батюшка, исправник, попечитель училища; у Якова — свои, как и он, с завода.

По утрам солнце весеннее играло.

Выходили ребята с девками катать яйца на луг с прозеленью, на гармонии играли, песни пели вольные, радостные. Ярынь земли распускалась заревым цветом. купавой — травой обряжалась по зелени ранней. Не до того Якову, сидит дома, и одного хотелось: повидать Олю, хозяйскую дочь. Да не знал он, как и когда идти, и можно-ли даже.

IV.

Фомина прошла. Зеленая пробилась мятлика трава. Лютик чаши распустил огнено-желтые, кадильницы цветные, колокола зажженные. Красиса, по вечерам песни за огуменные девичьи не весть о чем грустил голос далекий на поле, а по волге, как цветные бусы, краснозеленые огоньки бусирные вздрагивали и гасли.

Под вечер он встретился с Ольгой, в хозяйском саду — исправлять петли ходил на парниковых рамах.

— Что это вас не видать нигде, Ольга Петровна? Зачем сторонитесь? Проведать девушек не придете на деревню?

— Нельзя, не отпускают.

А вы так: прошли в сад, из сада калиткой к игуменьям.

Улыбнулась.

Взял ее за руку Яков. И понял, что и он близок ей, как и она. Кабы с другой кабой и свадьбу бы справили, да вот... Горе ветер, путем дорогой отрепавный он против нее.

— Вы так приходите. Дома не визнают, не проводят. Не надолго. Душа изболела, не видавши вас.

Окинула глазами, — сказала.

— Пойду.

И как в христов день, обвил ее шею Яков и долго целовал позорную, нежную вздрагивавшую.

V.

Втемные вечера из труб мастерских вместе с дымом вылетали искры, порхали, как огненные снежинки; в воздухе неслись вверху, рассыпались пучком и, падая потухали. Из мастерских несея звон и лязг железа.

Яков глядел на золотую россыпь огоньков, слушал песню железа под молотами, в которую врывалась другая с поднизовья с лугов, весенняя, влекущая, и грустная. И все чаще задумывался, влекло куда то, куда — не знал. Будто дело важное, неотложное, какое — забыл. Что то новое пробуждалось в душе, но что именно, он не мог осознать, не умея разобратся в новых чувствах. После работы пребирался он по нагорной дороге в саду. Рае-

Михаил Артамонов.

пустилися вишни пьяной радостью, таял по саду тонкий дух весенний и чудился за частокотомом призывный попот.

В этот вечер долго стояла Оля на садовой дорожке у частокотом.

Она ждала. В голове неслись мысли которые она должна высказать Якову, а время шло додго, додго и начинало казаться ей, что Яков, не придет, она не увидит его.

— Радостный.. Потайной мой! говорила она, едва только пришел Яков, и крепко сжимала шею.

Он брал ее на руки, как избалованного ребенка, успокаивал, гладил волосы.

Шло пьяное счастье.

VI.

Идет весна. Ярынь зелень кидает на примятый прошлоготок траву Кукушкой перелетницей тоскует о парне девичья грудь. Не знала Оля, зачем растет, кукушкины слезки — трава Приглядное знала одно.

Прошла весна.

Потянуло Якова странствовать, бродил по свету, колесит не путем не дорогой, на бахчи южные, к глинобитным мазанкам—хатам, За бело зелеными тополями серебряными глядят они, как невесты. Каждую весну привычка берет свое, тянет с привычного обжитого места, куда—не знает, сильно тянет—невесть баб.

Взял рассчет. И пошел прямо-на-прямки в Спасе-Заборью Дорога легла между ряи, оги-

бала перелесок, проходила через село и тонула в дымах окуревых летнего дня.

Остановиться Яков, подолгу смотрит на завод, на двухэтажный белый дом Петра Самсоныча, на белой стене его качается тополь, попойдет и снова остановится. Срослась душа с этим местом. И он не тот стал. Не ирежний. Тряхнул последний раз волосами и песню запел.

VII.

Много воды утекло; дней миновало не мало. Прошли две революции. Тянет Якова в Спас-Заборье поволжское. Идет он путем дорогой, скорбь носит в душе неведомо чью.

У деревни пруд осел, выглиняный берег за ветлами. Девушки белье полощут, песню вплетают луговую в кадильную синеву, в беспесенный день Глянул и встал. Глянул снова.

— Оля? Да ты это?

Встала, выпрямила плечи. Не сразу узнала. А узнала—и вспыхнула вся.

— Вот те и раз. Пропаший идет.

А вечером у частокола встретились снова за садом. Долго говорила Ольга и цвела краше прежнего. Завод взяли у них. В доме культурный кружок и ятейка, а сами живут они в приделке, где жил сторож.

— Так как же, галочка моя,—говорил он,—равны мы теперь? У меня за душой ничего и у вас... Приду я, приду самым исправным образом руки просить.

И краше прежнего светилась ее радость.

Александр Воронский.

В Т Е Д Н И.

Старый дворец стоял на берегу Черного моря и смотрел с высокого холма своими серыми окнами в безбрежный водный простор без конца и без края.

Были осенние хмурые дни и седая водны бились о мол, рассыпаясь мириадами брызг.

Между молотом и дворцом мерно качался броненосец, повернув жерла своих пушек в город.

Всякий, кто приходил на берег из богатых кварталов, тревожно и опасливо смотрел в направленные дула орудий. В их угрюмом и загадочном безмолвии было предостережение и угроза, ибо они всякую минуту при первой тревоге могли выпустить сотни злых демонов смерти и превратить роскошные дома в развалины, раскидав по мостовым кучи щебня, камня и кирпича.

Броненосец был единственной связью с теми далекими и в тоже время родными и близкими друзьями, которые подняли в столице революций знамя восстания против старого строя.

На броненосце была мощная радиостанция и она получала волнующия известия и передавала их в серый дворец на берегу.

Дворец жил лихорадочной жизнью. Обширный двор был полон вооруженными людьми в рабочих куртках, в серых шинелях, в черных матросках.

Александр Воронский.

Из окон смотрели пулеметы; человеческий поток одновременно вливался и выливался через широкия ворота.

Где то на окраинах раздавались одиночные выстрелы.

Между броненосцем и местным телеграфом шла смертельная борьба.

Телеграф находился в старых, вражеских, чужих руках. И то, что он передавал, жадно подхватывалось развращенными уличными листками и еще более жадно читалось богатой чернью лучших кварталов.

Телеграф сеял ядовитую ложь, внося сумятицу и недоумение в среду людей с мозолистыми руками и обветренными лицами,—рождая надежду и торжествующия, злые улыбки золотой черни.

— Войска с фронта плотным вольпом обружили и вступают в город.

— Мятежники держатся только в Смольном. Их участь предрешена.

— Фронт целиком на стороне законного правительства.

— Мятежники перепились и совершают насилия над женщинами.

— Рабочие столицы против восставших.

— Ленин позорно бежал из Смольного в Берлин через Финляндию.

Город засыпался срочными, эвстренными выпусками и на углах улиц до глубокой ночи стояли огромныя толпы.

Александр Воронский.

Старый броненосец угрюмо смотрел на город черными впадинами своих орудий, и внимательно, без усталости, напряженно ловил трепетные слова далеких северных повстанцев.

Все его старое сердце было с ними. Он жил их жизнью, их трепетом и потому он бережно передавал их каждое слово.

О, какие это были слова! Они входили в мозг и рождали в нем бурю мыслей и надежд. Они запечатлевались в памяти и становились твердыми, как камень.

Раскаленные до бела, они резали глаза. От них бурно поднималась грудь и нехватало воздуха. Счастье доходило до физического страдания и сердце билось и переливало кровь могучими толчками.

— Вся власть в руках Совета.

— Второй Съезд продолжает заседать.

— Съезд передал землю крестьянам.

— Съезд решил приступить к немедленному заключению мира.

— Избран Совет Народных Комиссаров.

— На подступах к столице революционная войска на голову разбили Краснова.

— Керенский бежал.

Старый броненосец сосредоточенно ловил эти слова и передавал их дворцу. Через час по улицам советские радиотелеграммы смешивались с уличными листками, что сеял телеграф—и распространялись по городу.

Шла смертельная борьба.

Многие не знали, где правда и растерянно читали те и другие листки.

Александр Воронский.

Броненосец стоял на своем посту. Он ловил дальние приветы друзей и из них люди в дворце, в казармах, на фабриках и заводах узнавали, что новое дело не погибло, что борьба идет и чаша весов склоняется на сторону Красной восставшей столицы.

Одно время броненосец тревожно замолчал. «Оттуда» ничего не передавали. «Там» была неизвестность. Может быть все уже погибло, Красная столица, лежит у ног победителя?

Молчание продолжалось около двух дней.

В это время телеграф засыпал город телеграммами, от которых вся улица котелков, дамских шляп, ресторанов и роскошных витрин самодовольно и счастливо урчала.

Во дворце надежда смешивалась с унынием, лица у многих потускнели, в глазах появилась неуверенность.

Еще угрюмее и зловещее смотрели пушки старого броненосца на город. Чайки с криком носились вокруг него, волны бились об его стальные бока, но он был нем и подавлял всею своею одинокою сосредоточенностью. Он молчал, ушел в себя и, казалось, совсем перестал обращать внимание на то, что делалось кругом.

Но однажды он передал во дворец большую телеграмму. Она начиналась словами:

Всем, всем, всем.—

И когда она еще поспешно набиралась в типографиях, по городу прокатились один за другим два пушечных холостых залпа.

Броненосец на многовремя окутался дымом. Старый броненосец победил.

Жар-Птица

Шел Порфирий горбатыми полями, свозными, обнаженными перелесками, тихими деревнями и селеньями. Глядел в глаза ветряный тусклый день, знобил лицо сиверко, шумели под ногами вороха палых листьев.

Уж весь износился, изорвался и красными заплатами осыпался на мерзлую землю златотканый кафтан леса. Догорал алый осинник и покоробленный пепел отпылавших листьев смутно шелестел на растопыренных сучьях.

Шагал Порфирий с деревянным ящиком на плече немymi деревнями и поселками. Кричал звонко и протяжно:

— Вставлять стекла-а!..

Работа не так чтобы уж очень прибыльная, зато вольная и легкая.

Сам костромич, исколесил Порфирий всю Костромщину, вдоль и поперек исходил Владимирщину, кружился и по рабочему краю около красного города Иванова.

С брестьянской работой управился в этом году рано. Обмолотился, обсеялся и пошел на сторону.

А за домом приглядит мать-старуха, оставшаяся в избе одна-одинешенька со своими думами об Антихристе, который, по ее мнению, уже воцарился на земле.

Шел Порфирий. В небе гуси тянулись, журавли трубили в свои унывные трубы.

Дмитрий Семеновский.

А дальний лес стоял в изголовьи голубоватых озимей весь сквозной, весь в скудной позолоте поздней листвы. Не в таком-ли лесу живет Жар-птица, про которую мать, бывало, сказки сказывала?...

Подходил к селу Спас-на-Горе.

Знакомые места! Сто раз виденные, сто раз исхоженные!

Летось жил здесь в батраках у барыни Мирской, генераловой вдовы.

Подходя к околице, Порфирий остановился. Подумал:

— Зайти али не зайти?

Решил зайти.

В березнике перед усадьбой прислонился к пятнистой березе, присел на трухлявый пенек свернуть цыгарку.

Затягиваясь приторно-сладким дымом, думал о прошлом, лениво и рассеянно вспоминал старое...

В работники поступил еще до переворота.

Барыня была дотошная, захажущая, до денег жадная, а с прислугой властная и грубая. За всем глядела сама, — следила чтобы прислуга и часу не сидела без дела. Потачки никому не давала, а за усердную работу награждала слуг в большим праздникам дешёвым платком или куском линючего ситцу.

Поработал ей Порфирий, поломал горбом. С зорькой ехал орать, с зорькой-же приезжал из поля. Старался, как самому себе, а все не хорош был. И когда, узнав, что старший

Дмитрий Семеновский.

брат убит на войне и работать, стало-быть, дома некому, Порфирий уходил в родную деревню, там и то барыня норовила обчитать его.

Шел тогда Порфирий домой, а злоба жгучая, ядовитая накапливалась на душе.

— Алшобина! — горько и зло шептал он: — Жадоба!...

Теперь злоба потухла. Теперь Порфирий спокоен.

*
* *

Сидел, покуривал Порфирий.

Любовался на алую купину бустарников, на причудливые нагромождения облаков,, на тихую дорогу, по которой шел знакомый мужик Митрий.

— Перфилей, друг!... Ты-ли это? — удивленно крикнул мужик, подойдя вплотную.

— Я самый, — пожал стекольщик протянутую ему жесткую, как дерево ладонь.

— Так... По каким делам? Стекла вставляешь?... — ощущал мужик хозяйственными глазами приставленный в березе ящик.

— Да... Стекла...

— А покурить нет? — попросил Митрий. Вот спасибо... Табачку-свету нигде его нет. А куда сейчас направляешься?

— К барыне хочу зайти... Поглядеть, как живет...

— К барыне? Зайди, зайди... А живет, брат, плохо. Плохо житье теперь известно какое,

Дмитрий Семеховский.

Ихому житью не позавидуешь. Землю, братец ты мой, у ей отобрали. Землей теперь общество владеет. Полдома заняли под коммуническую ячейку да под театер. Совсем стеснили барыню...

* * *

Входил Порфирей во двор усадьбы, на который хлопал, очевидно, бывший когда-то красным, а теперь вылинявшею флаг.

Ждал нападения злощих псов, которых когда-то полон двор держала барыня. Уже нагибался за камнем или палкой, но собачьего лая почему-то не было слышно.

Во всем перемены,—подумал Порфирий.

Подходя к парадному крыльцу увидел стекольщик вывеску: «Народный Дом».

— Не сюда,—подумал он и пошел с заднего хода.

Вошел в закоптелую кухню. Постоял. Покашлял.

Вышла сама барыня, одетая чересчур просто, почти убого. В таком наряде еще не видывал ее Порфирий.

— Здравствуйте, Ана Павловна,—поклонился он.

— Порфирий!.. ты?.. — ахнула барыня удивленно.

— Я, Ан-Пална... Пришел навестить вас...

— Очень рада, мой друг, очень рада.. Это хорошо, что ты не забыл освоих прежних господ. Значит, ты не заражен... всем этим!.. Это большая редкость, мой друг... Проходи сюда!..

Шел Порфирий за барыней, смотрел на редное убранство ее жилища.

— Удивляешься, где мягкая мебель? — спросила барыня: — Все взяли, мой друг, для Народного Дома. Даже пианино не оставили. Не богато живу, не правда-ли?

Слушал Порфирий жалобы бывшей госпожи, смотрел в окно на сквозной сад, похожий на вырезной алтарь в алой завесе листья и, — и жаль становилось ему барыню с ее исчезнувшим богатством, которой создавал и он. Порфирий. Жаль было прежней красивой жизни помещичьей семьи.

— Нет, мой друг, не нужно было трогать нас, — говорила между тем генеральша: — Не надо было обижать нас. Не надо было отнимать у нас нажитое трудом добро. Это грешно и не честно. Разве мы, состоятельные люди, виноваты в том, что народ жил плохо? Нет, виноват в этом был один царь, виноват был один самодержавный строй.

Слушал Порфирий.

Старался понять, верно ли говорит барыня. Кажись, верно. А словно бы и не совсем верно.

— А ты к какой партии принадлежишь, мой друг? — спросила генеральша.

— Ни к какой, барыня.

— Не зови меня барыней: теперь все равны.

— Беспартийный я, Ан — Пална.

— Это прекрасно, мой друг. Будь и в перед беспартийным. Эти социалистические партии погубят Россию. Беги, мой друг, от тех

Дмитрий Семеховский.

кто называет себя социалистами. Для них нет ни чего святого ни на земле, ни на небе. Беги от них, избегай их. Обещай мне это. Обещаешь? да?..

* * *

Зашел к попеку. Вставил стекло.

Окошко с резьбой, с точеными петухами, а из окошка сам попик выглядывает,—стареньший, как старо его полусафтанье, с инем в скудных волосах.

Не задался день! Вставляя стекло, порезал Порфирий руку. Кровь попоказа по исковырянной мозолями ладони черной змейкой.

Выбежала из дому беленькая поповна. Светлая, тоненькая, точь-в-точ свечечка за пасхальной заутреней.

Наматывая на руку чистую тряпицу нежными своими пальчиками, а чтобы не скучно было стекольщику стоять, занимала его деликатным разговором. Спрашивала, нравятся-ли быть стекольщиком, где стекло достает, куда от сюда идти думает. Разговорились про войну, про политику.

— А что я вас хочу спросить, барышня.

— Что?

— Про социалов... али как их еще?..

— Социалисты, может быть...

— Во, во!.. Они самые!.. Сказывают, что они — погубители России... хуже разбойников с большой дороги...

Дмитрий Семеховский.

Вскинула на него небесные глаза, улыбнулась всем своим лицом, вся засветилась улыбкой.

Голос как серебряный колокольчик!

— Это неправда...

Объяснила, что каждый социалист стоит за свободу, равенство и братство... Довольно богатые угнетали бедных, пожиная то, что не сеяли сами. Да не будет на свете несправедливостей, проклятий и слез, да станет земля раем!... Есть разные социалисты.

Истинный социалист тот, кто защищает права трудящихся не на словах, а на деле.

— Я сама социалистка. А разве я похожа на разбойника?

— В ячейке состоит в кружке работает,

— вздохнул из окошка попик:— В епархиальном учил, думал за лицо духовного звания выдать...

— А я не хочу... За кого хочу, за того и выйду. Полюблю—за него и выйду,—смеялась поповна, показывая на стекольщика белой ручкой:— Возьмешь меня?..

Ошадело стоял Порфирий. Еще бы не взять такую вралю! Уборизненно качал головою попик.

— Теперь все равны...

Голосом серебряный, а сама, как свечечка в великий день.

Нет, удачливой день сегодня! Когда уходил, книжек дала и на обратном пути заходить велела...

*
*
*

Вышагивал Порфирий по сухой дороге и все раздумывал то про барыню, то про поповну.

— Чудеса, братцы мои! До чего барыня социалов этих нелюбит... Чисто черт ладаву... А барыня сама социалетка. Так-то Ан-Пална... Землю у тебя отобради? Небель? Трудом нажитое? А чей труд? Твой? Нет. Мой труд. Я трудился. Я, Порфирий, пот проливал, а не ты...

Теперь Порфирий видел, в чем неправа барыня.

— Один царь, говоришь, виноват? Врешь. Не один он. И вы, богатые, виноваты. Да... А книжечки надо почитать... Барышня-то, барышня-то!... «Замуж, говорит, за тебя пойду»... Безпрременно онять к ей зайду. Ах, краля!..

Восхищенно шептал голубоватыми от стужи губами. Размахивая замотанной в белую тряпицу рукой.

А в глаза глядел ветряный тусклый день, жег лицо сиверко, румяня щеки. Шелестел под ногами покоробленный пепел сторевших листьев. Пламенела кушина придорожных кустов.

А дальний лес, стоял весь севозный, в скупой позолоте.

И опять померещилось Порфирию, что живет в том лесу Жар-птица, несет золотые яйца.

Димитрий Семеновский.

И почудилось ему на миг, что он бывший батрак Порфирий, как сказочный богатырь, идет ловить эту диковинную Жар-птицу.

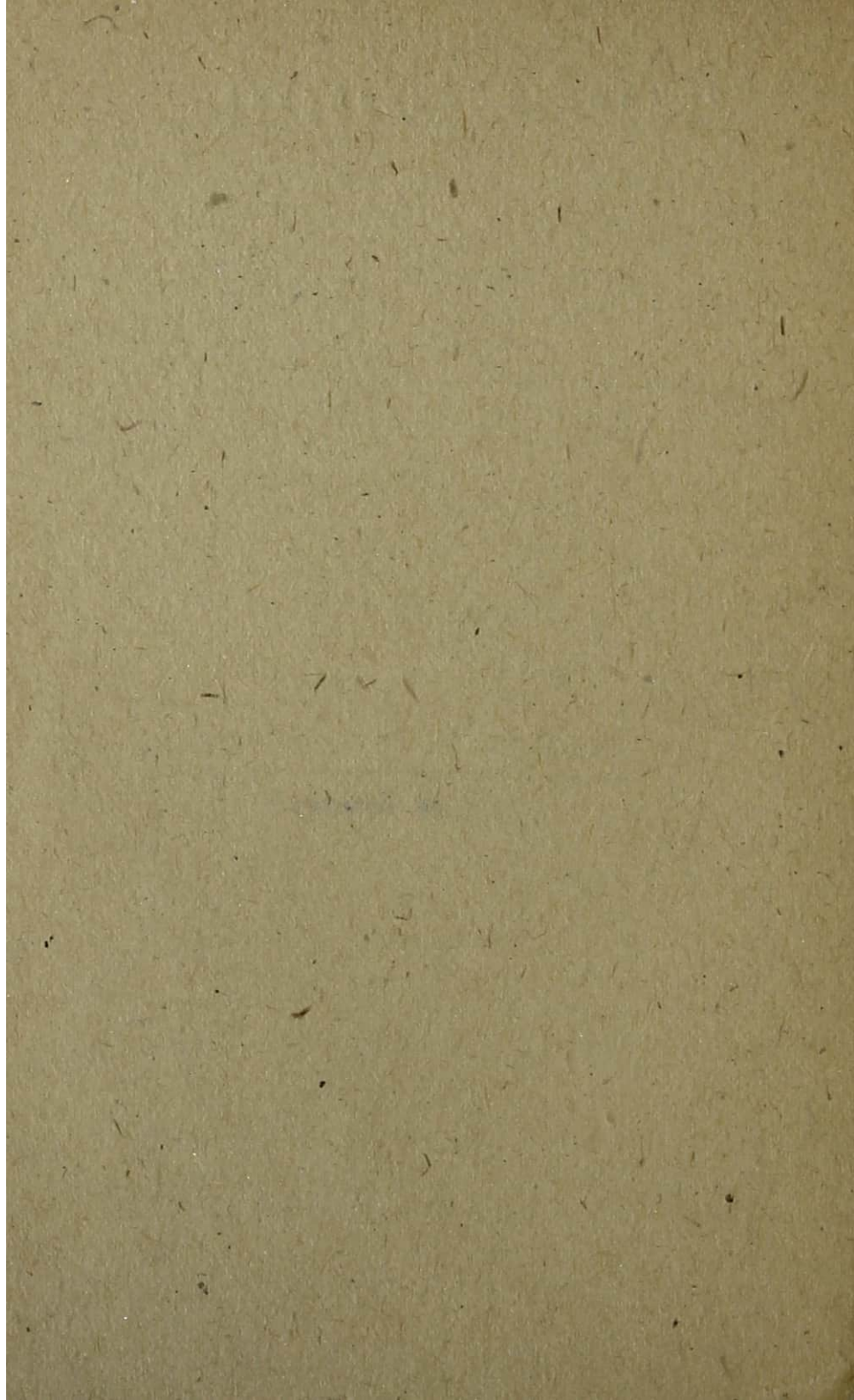
Шибче зашагал Порфирий по дороге, почувствовав прилив сил, бодрости и здоровья.

Уж он — не он будет, коли Жар-птица — его доля, его счастье повернется мимо его молодых и жадных на деле руб?

Ивановича Сел. Ивановича

Стел Краевой

Содержание:

	Стр.
Предисловие	3
Осажденный лагерь	5

Заревые колося.

И. Жижин	11
Калица Перехожая	16
Д. Костромской	17
А. Луганский	18
А. Поздрин	19
Н. Рязанов	20
В. Смирнов	21
Н. Смирнов	23
А. Сосневский	24
А. Сумароков	27

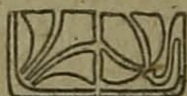
Васильни.

М: Артамонов	28
И. Жижин	31
Н. Колоколов	37
А. Поздрин	38
С. Огурцов	39

	Стр.
С. Селянин	40
Д. Семеновский	41
С. Семин	44
А. Сосневский	45
А. Сумароков	48

За красной оолицей.

М. Артамонов. <i>По весне</i>	51
А. Воронский. <i>В те дни.</i>	57
Д. Семеновский. <i>Жар-Птица.</i>	61

Ивановская Сов. Науч. Школ.

Отдел Красной

